

**ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА
LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING
PSYCHOLOGY, ERGONOMICS**

УДК 159.95

doi: 10.21702/rpj.2017.1.10

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ
ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Анатолий В. Карпов*, Александр А. Карпов, Лариса Ю. Субботина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,

г. Ярославль, Российская Федерация

** E-mail: anvikar56@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда; № проекта 16–18–10030

Рассмотрены некоторые ключевые проблемы методологического и методического характера, сформулированные в современном метакогнитивизме, но остающиеся не решенными в нем. В целях их преодоления сформулирован и развит новый методологический подход к исследованию метакогнитивных детерминант организации и регуляции деятельности – принцип действительностно-опосредствованного исследования метакогнитивных процессов и качеств личности.

На основе данного подхода разработан комплекс новых исследовательских методик, направленных на раскрытие особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности: методика «деятельностного зондирования», методика «стилевой дифференциации», методика «рефлексивного расслоения» и методика «факторных декомпозиций». Посредством комплекса этих методик открываются новые – достаточно конструктивные возможности для получения экологически валидных данных о специфике метакогнитивной регуляции деятельности.

Представлены также и результаты конкретных исследований, выполненных на основе этих методик. Показано, что их применение, действительно, приводит к экспликации целого ряда новых, не описанных до настоящего времени особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции

деятельности. В частности, выявлены и проинтерпретированы генеративно-порождающие эффекты синергетического типа, возникающие в результате синтезирования ключевых метакогнитивных процессов и факторов. Так, показано, что между двумя основными типами метапроцессов – метакогнитивными и метарегулятивными – в структуре деятельности устанавливаются отношения именно взаимно фасилитирующего, т. е. синергетического характера. В результате этого существенно расширяется общий когнитивно-регулятивный потенциал субъекта. Данный вывод содействует также обоснованию развиваемого авторами ресурсного подхода к интерпретации факторов метакогнитивного плана. На основе всей совокупности представленных результатов определены общие направления и конкретные пути решения одной из наиболее важных задач современного метакогнитивизма – задачи преодоления его внедеятельностного характера и, соответственно, – его синтеза с психологической теорией деятельности.

Ключевые слова: метакогнитивизм, метакогнитивные процессы, метакогнитивные качества, деятельностьное опосредствование, деятельностьное зондирование, рефлексия, метакогнитивный мониторинг, факторное исследование, экологическая валидность, метакогнитивные феномены.

Для цитирования: Карпов А. В., Карпов А. А., Субботина Л. Ю. Методологические и методические основы исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 149–175.

Материалы статьи получены 26.11.2016

UDC 159.95

doi: 10.21702/rpj.2017.1.10

METHODOLOGICAL AND METHODICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING META-COGNITIVE DETERMINANTS OF ACTIVITY

Anatolii V. Karpov*, Aleksandr A. Karpov, Larisa Yu. Subbotina

Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

** Correspondence author. E-mail: anvikar56@yandex.ru*

Acknowledgments

This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 16–18–10030)

Modern meta-cognitivism has formulated certain key methodological and methodical problems but left them unsolved. To overcome this limitation this paper presents a new methodological approach to studying meta-cognitive determinants of activity – the principle of activity-mediated research of meta-cognitive processes and personality traits.

This approach provided a basis for elaborating the complex of new research techniques for revealing the features of the meta-cognitive regulation of activity: (a) the technique of “activity probing”, (b) the technique of “style differentiation”, (c) the technique of “reflective stratification”, and (d) the technique of “factorial decompositions”. These techniques are constructive means for obtaining ecologically valid data on the specificity of the meta-cognitive regulation of activity.

The paper brings forward the results of studies with the application of these techniques. By using these techniques, the explication of many new and previously undescribed features of the meta-cognitive regulation of activity becomes possible. In particular, generative synergistic effects resulting from synthesizing the key meta-cognitive processes and factors were revealed and interpreted. The two main types of meta-processes – meta-cognitive and meta-regulative – had facilitative (i. e. synergistic) associations in the structure of activity. This considerably expands the general cognitive-regulating potential of a subject. This finding also supports the resource approach to the interpretation of meta-cognitive factors. The results of the study determined general directions in approaching one of the most important problems of modern meta-cognitivism – overcoming its out-of-activity nature and, accordingly, its synthesis with the psychological theory of activity.

Keywords: *meta-cognitivism, meta-cognitive processes, meta-cognitive qualities, activity mediation, activity probing, reflection, meta-cognitive monitoring, factor research, ecological validity, meta-cognitive phenomena.*

For citation: Karpov A. V., Karpov A. A., Subbotina L. Yu. Methodological and methodical foundations for studying meta-cognitive determinants of activity. Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal, 2017, V. 14, no. 1, pp. 149–175 (in Russian).

Original manuscript received 26.11.2016

Введение

Как известно, одной из наиболее острых и трудных проблем современного метакогнитивизма является проблема *метода* – в широком смысле данного понятия (как совокупности средств, позволяющих создать эмпирический базис данного направления). В конечном итоге, острота и значимость данной проблемы обусловлена тем, что практически все методы, используемые

в метакогнитивизме, базируются на самонаблюдении и являются, по существу, различными модификациями интроспективных техник сбора первичной эмпирической информации. В связи с этим, совершенно понятно, что, как отмечается в [20], основной методологической проблемой при исследовании метакогниции является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений. Не менее серьезной проблемой исследования метапознания выступает полистратегичность метакогнитивного поведения, практически исключающая возможность точного повторения опытов в ситуации экспериментального исследования [15, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25].

В целом, на современном этапе развития метакогнитивизма, при всем стремлении к объективному изучению особенностей переработки информации, основными методами, используемыми в нем, остаются метод «субъективных отчетов» (интроспекция) и феноменологический анализ метакогнитивных стратегий. Самонаблюдение позволяет исследователям выявлять и описывать метакогнитивные стратегии, а феноменологический анализ дает информацию о специфике субъективного проживания состояния метакогнитивной активности, аффективных и волевых компонентах, сопровождающих процессы саморегуляции познания [8, 16, 20, 21].

Будучи трудной в общепсихологическом плане, данная проблема еще более осложняется при ее постановке в контексте исследования реальной профессиональной деятельности. Дело в том, что наряду с уже отмеченными ее чертами, она приобретает здесь дополнительный аспект, поскольку вплотную подводит к еще более общей проблеме *экологической валидности* данных, получаемых различными интроспективными техниками, а также лабораторно-экспериментальными схемами исследования в целом. Так, в этой связи Ю. Козелецкий пишет: «...лабораторные задачи радикально отличаются от задач, разрешаемых в "большом мире". Этот факт издавна вызывает принципиальную неудовлетворенность... Это важный вопрос. От ответа на него зависит "экологическая пригодность" лабораторных исследований» [9, с. 209]. Кроме того, по совершенно понятным и естественным причинам, реализация этих схем и процедур именно в условиях реальной практической деятельности в условиях, являющихся, как правило, существенно менее благоприятными в плане их реализации и насыщенными артефактами и помехогенными обстоятельствами, очень затруднительна.

В связи с этим, в настоящее время одной из наиболее актуальных является задача разработки таких методов и методик, которые позволяли бы исследовать метакогнитивные процессы и качества, а также иные факторы метапознавательного плана именно в структуре целостной профессиональной деятельности – в качестве ее психологических детерминант. Вместе с тем, такая разработка может быть реализуемой лишь в том случае, если будут

решены хотя бы в первом приближении вопросы более общего, т. е. методологического характера, связанные с проблемой метода метакогнитивизма в целом и спецификой исследования метакогнитивных процессов и качеств в реальной, естественной деятельности в особенности. Поскольку основной целью данной работы является определение *методологических* основ и *методических* средств исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности, то вся совокупность результатов, полученных при ее реализации, должна быть структурирована в два основных блока. Первый – это формулировка предлагаемого нами общего *методологического* подхода к реализации исследований такого рода, а второй – характеристика конкретных *методических* средств, через которые он может быть реализован.

Результаты

Методологический подход к исследованию метакогнитивных детерминант организации деятельности.

При формулировке общего методологического подхода к исследованию метакогнитивных детерминант организации деятельности необходимо, прежде всего, учитывать очень явную и рельефно выраженную специфику метакогнитивных процессов (и, соответственно, тех качеств, в которых они находят свое итоговое – результативное проявление). Эта специфика эксплицируется через «двуединство» следующих их атрибутивных черт. С одной стороны, все метакогнитивные процессы не имеют своего автономного и самостоятельного – так сказать «итогового продукта», результата [2, 4, 5, 10, 12, 13]. Они в принципе не проявляются *непосредственно* в каком-либо результате – в той или иной качественной характеристике деятельности, поведения, общения и пр. В этом отношении существует прямая аналогия (которая, в действительности, является более чем просто аналогией) между ними и одним из основных когнитивных процессов – вниманием [5, 11, 13]. Оно также не имеет самостоятельного продукта, а направлено на регуляцию иных когнитивных (и не только) процессов, проявляясь опосредствованно ими. В связи с этим, конкретно-психологическое исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов по отношению к деятельностным и поведенческим проявлениям может быть только принципиально *опосредствованным*. С другой стороны, все эти процессы характеризуются и еще одной – впрочем, тесно связанной с предыдущей, особенностью. Она имеет два аспекта и состоит в следующем.

Во-первых, их влияние на деятельностные и поведенческие проявления носит не только принципиально опосредствованный, но и столь же принципиально *синтетический*, интегративный характер. Дело в том, что будучи «вторичными» по своей психологической природе, они всегда оказывают

детерминирующее влияние на деятельность, поведение – вообще на любой результат в *комплексе* с тем или иным «первичным» когнитивным процессом. Более того, они могут синтезироваться не только с каким-либо одним процессом, а с целым рядом процессов. Так, например, операциональные механизмы мышления могут «оборачиваться» на самоё себя, в результате чего порождается процесс метамышления. Однако они же могут «накладываться» и на мнемические процессы, в результате чего порождаются средства и операции мнемотехнического плана, составляющие важный аспект другого метакогнитивного процесса – метапамяти.

Во-вторых, еще одной яркой особенностью метакогнитивных процессов является то, что они характеризуются теснейшими – по существу, неразрывными связями друг с другом [1, 11, 14]. В этом отношении они «повторяют» в своей организации принципы структурирования «первичных» когнитивных процессов. Для них, как известно, наиболее характерна именно «полносвязность», а также их представленность в форме так называемого «абсолютного целого» и вообще – возможность существования каждого из них лишь в качестве «эффекта конвергенции» всех иных процессов [3, 13]. Точно так же и метакогнитивные процессы в реальности осуществляют свои функции в целом и оказывают свое детерминирующее воздействие на деятельностные проявления лишь в комплексе друг с другом – *целостно*. Другими словами, эффекты структурной организации и феномены целостности принципиально неустранимы из этого влияния, а его исследование также должно осуществляться, прежде всего, не на аналитическом уровне изучения, а на *структурном* уровне. Очень важно и то, что именно на этом уровне – уровне, в значительно большей степени сохраняющем реальную целостность организации метакогнитивных детерминант, их влияние может быть *принципиально объективировано*. Оно непосредственно проявляется в тех или иных *внешних*, т. е. именно объективных деятельностных и поведенческих «индикаторах». И как таковое – внешнее, объективное оно допускает свою фиксацию и затем – использование полученных данных в исследовательских целях.

Синтезируя две отмеченные выше атрибутивные особенности всех метакогнитивных детерминант, можно сделать обобщающее заключение методологического плана. Методологически корректное исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов может и должно быть, во-первых, *принципиально* опосредствованным и, во-вторых, столь же принципиально *структурным*.

Конструктивность такого, казалось бы, достаточно обобщенного заключения, однако, проявляется вполне очевидным образом. Действительно, оно не только допускает, но и требует конкретизацию следующего плана.

Реально онтологически, а потому объективно метакогнитивные детерминанты проявляются не просто *опосредствованно*, а деятельностно-опосредствованно, поскольку вся их *структура* как раз и представлена в качестве *системы* воедино связанных регулятивных аспектов общего процессуально-психологического обеспечения деятельности. То, каким образом – содержательно, структурно, организационно и пр., они структурированы и комплексированы друг с другом, а также то, как представлены все иные их базовые характеристики, будет непосредственно проявляться в различиях осуществления самой деятельности – в различиях и процессуального и результативного характера. Следовательно, через дифференциацию деятельностных параметров открывается возможность исследования, фактически, всех основных характеристик самих метакогнитивных процессов. Причем, подчеркнем, это исследование будет сохранять важнейшую их черту – структурность организации, их принципиально интегративный характер и комплексность их детерминирующей роли по отношению к деятельности.

Необходимо отметить, что охарактеризованный выше методологический подход является, по существу, одним из конкретных проявлений еще более общего методологического принципа – принципа *деятельностно-опосредствованного* исследования (ДОИ), который был сформулирован нами ранее [3]. В свою очередь, данный принцип имеет, как известно, целый ряд экспликаций в психологических исследованиях. Он хорошо зарекомендовал себя как эвристичное средство организации психологических исследований в целом и профессиографических исследований в особенности. Это – и принцип активного оператора, и полунатурное моделирование в психологии труда, и принцип уровневого воспроизведения содержательных характеристик деятельности в инженерной психологии. Кроме того, в этом же ряду – и еще более общие подходы: принцип субъекта деятельности и принцип личностного опосредствования (см. анализ этих подходов в [3]). Все эти подходы и принципы не только могут, но и должны быть восприняты и развиты в русле психологического изучения метакогнитивных процессов. Одним из конкретных способов такого развития и является принцип ДОИ. Его конструктивность проявляется том, что на его основе оказывается возможной разработка целого ряда достаточно конкретных методик исследования метакогнитивных детерминант деятельности.

Основные методики исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности и результаты их реализации.

1. *Методика «деятельностного зондирования».* Так, по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности как комплексного регулятора деятельностной и поведенческой активности он может быть конкретизирован до методики, которую целесообразно обозначить как

методика «*деятельностного зондирования*». Ее суть состоит в том, что посредством нее метакогнитивные детерминанты деятельности исследуются не прямо и непосредственно, т. е. не на основе интроспективных техник (что, как показано выше, чревато существенными трудностями и порождает основную проблему методов метакогнитивизма – проблему объективности данных), а существенно иначе. Это реализуется опосредствованно, точнее – *деятельностно-опосредствованно*. Вся выборка лиц, принимающих участие в исследовании, дифференцируется на подгруппы, согласно какому-либо *внешнему*, т. е. деятельностному, а потому – *объективному* критерию. В этих целях достаточно хорошо зарекомендовал себя, в частности, метод «полярных групп» Д. Фланагана. Он, как известно, предписывает дифференциацию выборки на подгруппы «лучших», «средних» и «худших» по тому или иному критерию. Далее, по отношению в первой и третьей из этих подгрупп проводится комплексная психодиагностика уровня развития основных параметров метакогнитивной сферы. Поскольку сами эти подгруппы значимо и существенно дифференцированы именно по деятельностному параметру, то на их материале открываются благоприятные возможности для экспликации различий в собственно психологическом обеспечении деятельности. В частности, это означает, что все те различия, которые, возможно, существуют и в плане организации метакогнитивной сферы, будут обусловлены именно деятельностными факторами. Иначе говоря, именно эти факторы и будут выступать в данном случае дифференцирующим критерием того, как организовано психологическое обеспечение самой деятельности в аспекте ее метакогнитивных детерминант. Другими словами, сама деятельность – точнее, уровень ее сформированности и, соответственно, успешности, будет выступать в этом случае своеобразным «зондом», позволяющим эксплицировать специфику и содержание организации любых ее психологических детерминант – в особенности детерминант метакогнитивного плана.

Далее по отношению к результатам психодиагностического обследования могут применяться практически любые средства обработки и интерпретации данных. Однако наиболее конструктивной в этом плане, как показывает наш опыт, является реализация методологии структурно-психологического анализа в целом и метода нахождения матриц интеркорреляций метакогнитивных детерминант (с последующим построением на их основе структурограмм и их анализом). Особо следует подчеркнуть, что метод «*деятельностного зондирования*» допускает свою реализацию в целом ряде конкретных вариантов. Так, например, выборка может быть дифференцирована не только по критерию различий в эффективности деятельности в *целом*, а по любым иным, более локальным критериям – показателям ее организации (например, по ее основным параметрам – качеству, производительности, надежности).

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что данная методика открывает практически неограниченные возможности для дифференцированного исследования метакогнитивных процессов и качеств деятельности в плане ее обусловленности самыми различными детерминантами и факторами. Так, она может быть реализована в плане определения роли, например, роли *стажных* детерминант на специфику метакогнитивной регуляции деятельности: в этом случае выборка просто дифференцируется по критерию величины стажа, а далее к сформировавшимся таким образом подвыборкам применяется уже охарактеризованная выше процедура. Она же может быть реализована и по отношению к специфике метакогнитивной регуляции в двух основных *типах* деятельности – субъект-объектном и субъект-субъектном. В этом случае осуществляется все та же процедура, но дифференциация выборки осуществляется уже по иному критерию – критерию различий в типах деятельности. Она может быть реализована и в плане определения воздействия метакогнитивных детерминант на влияние на деятельность собственно личностных детерминант. Причем, речь идет не только о влиянии этих детерминант на традиционно изучающиеся профессионально-важные качества, но и на особую категорию личностных детерминант – на профессионально-негативные качества. Именно это и было сделано нами в исследовании [4, 7]. Наконец, она же может быть реализована и для выявления специфики метакогнитивной регуляции, например, в деятельности *управленческого* и *исполнительского* типов. Здесь «работает» все та же процедура, хотя дифференциация выборки осуществляется по другому принципу – принципу различий в типах деятельности (управленческой или же исполнительской). По существу, речь во всех этих вариантах идет о различных модификациях того, что в методологии психологического исследования обозначается понятием «внешнего критерия».

При характеристике данной методики особо следует подчеркнуть следующее обстоятельство – уже не процедурного, а интерпретационного плана. Дело в том, что после произведенной дифференциации и реализации к комплексу метакогнитивных детерминант тех или иных методов структурно-психологического анализа возникает задача интерпретации полученных результатов – прежде всего, тех *различий*, которые имеются в дифференцированных подгруппах. При решении этой – интерпретационной, т. е. объяснительной задачи необходимо опираться на *содержательные* параметры того критерия, который и был положен в основу дифференциации. Так, например, очень показательной в данном плане является следующая закономерность. В том случае, если дифференциация произведена по основному деятельностному параметру – эффективности, то структурно-психологический анализ метакогнитивных детерминант дает, как показывают исследования,

следующий результат [3, 6]. Степень интегрированности детерминант метакогнитивного типа прямо пропорциональна качеству деятельности; подгруппы с относительно большей эффективностью деятельности характеризуются и большей степенью интегрированности, структурированности метакогнитивной сферы. Следовательно, есть основания считать, что именно те синергетические, собственно структурные эффекты, которые возникают при комплексировании метакогнитивных детерминант, как раз и выступают важнейшим фактором, а не исключено, – и механизмом процессуально-психологического обеспечения деятельности.

Далее, необходимо подчеркнуть, что методика «деятельностного зондирования» допускает свою реализацию не только в виде дифференциации выборки по «внешнему критерию». Она может быть реализована и в варианте, предполагающем дифференциацию по «внутреннему критерию», т. е. по параметру, который заложен внутри самой деятельности и, более того, – параметра, который отражает и воплощает какую-либо ее базовую особенность. В частности, «деятельностная дифференциация» может быть осуществлена по отношению к важнейшему аспекту ее организации – уровневому. Он в наибольшей мере отражает основной план организации деятельности – структурно-уровневый. В этом плане нами было выполнено исследование, в котором дифференциация была реализована по отношению к основным уровням организации деятельности. Затем по отношению к ним была реализована процедура структурно-психологического анализа. Исследовались три основных уровня организации деятельности – инфрадеятельностный, метадеятельностный и уровень «автономной деятельности». В итоге были получены новые данные относительно специфики метапроцессуальной регуляции деятельности в зависимости от того, на каком ее уровне эта регуляция осуществляется [3].

Так, матрицы интеркорреляций и, соответственно, – структуры метакогнитивных детерминант статистически достоверно различаются на трех исследованных уровнях по критерию χ^2 (на $\alpha = 0,05$). Это непосредственно указывает на их именно *качественную* разнородность – гетерогенность. Другими словами, они различаются не «в деталях», не «в частностях», а *в принципе*. В частности, матрица, соответствующая метадеятельностному уровню, – это не матрица, соотносимая, скажем, с инфрадеятельностным уровнем, но представленная в более или в менее насыщенном значимыми корреляционными связями виде. Это – *качественно иная* матрица, т. е. имеющая принципиально иной «рисунок» – общую структуру (паттерн) эксплицированных в ней значимых связей.

В свою очередь, обнаружение факта гетерогенности матриц интеркорреляций метакогнитивных и метарегулятивных процессов и качеств на трех

основных уровнях организации деятельности является *прямым указанием* на наиболее важный и общий факт. Он состоит в том, что их *структурная организация* на этих уровнях также является существенно разной – именно *качественно различной*. Иначе говоря, структуры метапроцессуального обеспечения различных уровней организации деятельности являются качественно различными. Для каждого из основных уровней существует своя – специфическая и присущая только ему структура метапроцессов, которая обеспечивает его реализацию и регуляцию. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Уровень организации деятельности является значимой и, не исключено, – решающей детерминантой для структурирования метапроцессов (как метакогнитивных, так и метарегулятивных) во вполне определенные комплексы – паттерны, которые, по-видимому, наиболее релевантны психологической специфике каждого из них.

Найденные для каждого из трех изученных уровней структурограммы были обработаны, далее, посредством предложенной (в [7]) системы *структурных индексов* (индексов когерентности, дивергентности и общей организованности). Полученные результаты представлены на рисунке 1.

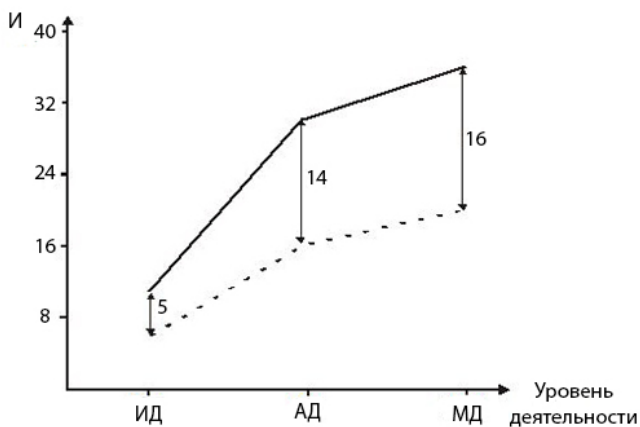

Рисунок 1. Значения структурных индексов организации метапроцессов на трех основных уровнях организации деятельности

Figure 1. Structural indices of meta-processes by three main activity levels

Условные обозначения: сплошная линия – значения индекса когерентности структуры (ИК) метапроцессов; пунктирная линия – значения индекса дивергентности структуры (ИДС) метапроцессов. ИД, АД, МД – соответственно, данные по инфрадеятельностному уровню, уровню «автономной» деятельности и метадеятельностному уровню.

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, при переходе от иерархически более низких к более высоким уровням организации деятельности (т. е. от инфрадеятельностного уровня к уровню «автономной деятельности» и далее – к метадеятельностному уровню) *возрастает* степень *когерентности* структур метапроцессов, обеспечивающих их функционирование. Иными словами, чем выше (в иерархическом плане) уровень организации деятельности, тем большую степень интегрированности, когерентности метапроцессов он предполагает.

Во-вторых, аналогично этому при повышении иерархического положения уровней *возрастает* и степень *дивергентности* – *дифференцированности* структур метапроцессов, которые их обеспечивают. Данный результат не вполне согласуется с априорными ожиданиями и теоретическими прогнозами, поскольку, наоборот, было бы более логично допустить, что с повышением и, следовательно, с усложнением уровней организации деятельности мера дифференцированности («разобщенности») метапроцессов должна снижаться (что, в свою очередь, повышало бы потенциал их структуры в целом).

В-третьих, очень показательна динамика наиболее обобщенного (и потому – наиболее значимого) структурного индекса – индекса *организованности* структур. Он, как можно видеть из данных, представленных на рисунке 1, достаточно существенно *возрастает* при переходе от иерархически относительно более низких уровней к более высоким уровням организации деятельности. На рисунке его величины обозначены тонкой линией, соединяющей значения индексов когерентности и дивергентности; можно видеть, что он изменяется от 5 до 16 ед.

Обобщение всех представленных выше результатов позволяет сделать следующий главный вывод. Структуры метапроцессов, обеспечивающие каждый из уровней, не просто и не только качественно различны – гетерогенны (что следует из результатов, описанных в п. 1). Дело еще и в том, что сами эти различия обусловлены, в основном, *повышением* степени интегрированности и когерентности, а в целом – *организованности* указанных структур метапроцессов. Чем выше в иерархическом отношении уровень, тем большей интегрированности и организованности метапроцессов он «требует». В содержательном отношении данный результат может быть объяснен следующим образом. Чем выше иерархическая локализация уровня, тем он более сложен и тем большие требования он предъявляет к субъекту. Адекватным ответом на этот «деятельностный вызов» служит усиливающаяся консолидация (интеграция, организация) структур метапроцессов, обеспечивающих процессуально-психологическую регуляцию того или иного уровня. В результате такой консолидации и интеграции совокупный потенциал метапроцессов определяется уже не только, а быть может, – и не столько *аддитивной*

суперпозицией агрегативных «вкладов» каждого из них в обеспечение деятельности, сколько (наряду с этим) *интегративными* – синергетическими эффектами, возникающими как продукт и результат их комплексирования в согласованные «паттерны». Другими словами, их интеграция (равно как и любая иная интеграция) приводит к своеобразному «выходу» за пределы «простой суммы» их потенциалов; ведет к формированию *системных качеств*, возникающих именно вследствие их структурирования (но отсутствующих у их рядоположенной суммы). Понятно при этом, что чем более выраженной является степень такой структурированности, тем в большей степени проявляются «эффекты неаддитивности» (точнее – *супераддитивности*), эффекты интеграции и влияния на обеспечение деятельности системных качеств, формирующихся вследствие синтеза совокупности метапроцессов.

2. *Методика «стилевой дифференциации»*. Все охарактеризованные выше варианты методики «деятельностного зондирования» имеют, однако, еще одну – наиболее общую черту. Дело в том, что данная методика в целом позволяет исследовать метакогнитивные детерминанты в аспекте их соотношения с одной – вполне определенной метасистемой, которой в данном случае и выступает *деятельность*. Вместе с тем, наряду с ней, метакогнитивные детерминанты включены и в иные, столь же важные метасистемы, реализуя по отношению к ним свои регулятивные функции. Следовательно, во взаимодействии с ними могут быть заложены основания для возможности разработки дополнительных методических средств исследования этих детерминант. Как известно, еще одной базовой метасистемой, которая является онтологически первичной по отношению к метакогнитивной сфере, является, разумеется, сама *личность* субъекта деятельности. Данная метасистема имеет множество проявлений и модусов; она эксплицируется, в том числе, и в *стилевых различиях* осуществления деятельности. Подчеркнем, что проявления личности в стиле носят, как известно, интегративный характер. В данном отношении уместно вспомнить известное выражение «человек – это стиль». Следовательно, не только возможна, но и необходима еще одна «плоскость» исследования метакогнитивных детерминант – собственно личностная. При этом дифференциация должна производиться по стиливым параметрам. В дальнейшем интерпретация с помощью методологии структурно-психологического анализа должна реализовываться по отношению к тем подвыборкам, которые и образуются в соответствии со стиливыми различиями. Например, в этом плане могут быть отмечены те результаты, которые характеризуют специфику метакогнитивной регуляции процессов *принятия решения* в управленческой деятельности в зависимости от основных стиливых различий в их реализации. Так, при этом нами было, в частности, показано, что степень структурной организации метакогнитивных детерминант является

наибольшей по отношению именно к *наиболее* эффективному «решенческому» стилю – ситуационному [6]. Одновременно она последовательно снижается при переходе к все менее эффективным «решенческим» стилям. На основе реализации факта стилевых различий появляется, таким образом, возможность разработки еще одной новой методики исследования метакогнитивных процессов и качеств, которую можно обозначить как методику *стилевой дифференциации*. Она в более общем плане основана уже не на включенности метакогнитивных процессов и качеств в метасистему деятельности, а на их включенность в другую метасистему – в личность субъекта деятельности.

Наконец, необходимо иметь в виду и то, что, наряду с двумя указанными основными метасистемами (деятельностью и личностью), в которые реально включены метакогнитивные процессы и качества, существует еще одна базовая метасистема. Это, разумеется, метасистема, образованная всем комплексом средств и механизмов, соотносящихся с «феноменом *сознания*» (мы используем здесь термин «феномен» не столько в его непосредственном значении, сколько в плане указания на данную метасистему как таковую). Именно сознание, осознаваемая регуляция как таковая очень полно и самым непосредственным образом соотносится с сутью метакогнитивной сферы. Более того, сама эта сфера в определенном смысле – это и есть сознание как таковое (по крайней мере, его операционная основа). На основе этой органичной связи возможна разработка еще одной методики, направленной на изучение метакогнитивной сферы личности. Ее суть состоит в следующем.

3. *Методика «рефлексивного расслоения»*. Мы уже отмечали, что «критериальная дифференциация» выборки может быть представлена в двух разновидностях – как ее расслоение по «внешнему критерию», так и как ее расслоение по «внутреннему критерию». В свою очередь, «внутренний критерий» может иметь разную локализацию. В описанном выше случае он был локализован внутри деятельности – дифференциация осуществлялась по признаку уровневой принадлежности метакогнитивных детерминант к тому или иному структурному уровню деятельности. Однако данный критерий может локализовываться и внутри другой метасистемы – он может носить уже не объектный (деятельностный), а субъектный характер. В частности, это означает, что выборка может быть дифференцирована по такому, выражаясь метафорически, «максимально субъектному», а потому – предельно внутреннему критерию, каковым выступает мера *рефлексивности* самого субъекта. При этом необходимо учитывать также, что именно в уровне рефлексивности находят свое максимально обобщенное, интегративное проявление все метакогнитивные параметры личности в целом. Более того (как показано нами в [4]) сама рефлексивность как таковая как раз и является

итоговым результативным проявлением и синергетическим эффектом всех иных – более локальных процессов и качеств метакогнитивного плана; она выступает их результативным, а потому синтетическим проявлением. Следовательно, именно через «рефлексивное расслоение» и «в нем» проявляются наиболее глубокие, сущностные закономерности и механизмы собственно метакогнитивного плана. В связи этим, не только возможно, но и необходимо дифференцированное изучение метакогнитивной сферы на основе именно данного параметра. Такое изучение требует еще одного методического подхода, еще одной методики, которая также была разработана нами и получила обозначение как методика «*рефлексивного расслоения*». Ее суть состоит в том, что вся выборка дифференцируется по параметру степени рефлексивности (здесь также может быть использован уже описанный метод «полярных групп»). Затем по отношению к сформированным подгруппам (низкорексисивных, среднерексисивных и высокорексисивных индивидов) реализуется общая процедура структурно-психологического анализа. Кроме того, хорошо зарекомендовал себя и такой «вспомогательный прием», как целенаправленное – фокусированное формирование подвыборок. Он предполагает не просто расслоение исходной выборки на три подгруппы, а специальный подбор лиц в каждую из трех подгрупп таким образом, чтобы в них вошли индивиды действительно с низкой, средней и высокой степенью развития рефлексивности. Данный прием обозначается еще и как метод «растягивания выборки» по тому или иному параметру – в данном случае по рефлексивности.

Конструктивность данной методики проявлялась, в частности, в одном из установленных нами на ее основе результате. Так, было выявлено, что при возрастании общей рефлексивности увеличивается мера интегрированности и дифференцированности системы метапроцессов, которые, собственно говоря, и составляют ее содержание (см. рисунок 2).

Однако темпы их роста различны на разных интервалах общего континуума рефлексивности. Вначале явно доминирует тенденция к прогрессирующей интеграции метапроцессов, а при высоких и очень высоких значениях рефлексивности явно начинает доминировать дифференцирующая тенденция. Она выступает здесь уже не только как вполне самостоятельная (дополняя тем самым рассмотренную выше интегративную функцию), но и именно как доминирующая, преобладающая. Эта закономерность (при ее интерпретации на достаточно высоком уровне обобщенности) носит достаточно нетрадиционный характер. Действительно, при внимательном рассмотрении можно видеть, что и ее «аргумент» (отображенный на оси абсцисс), и ее «функция» (отображенная на оси ординат) являются, фактически, *одной и той же* сущностью, хотя и представленной в разной экспликации.

Так, в качестве аргумента выступает *общий* уровень развития рефлексивных процессов как своего рода монометрический и «единый» интегральный показатель. В качестве же функции выступают *структурные* характеристики *того же самого* показателя. Фактически, здесь имеет место своего рода *автозависимость* «рефлексивности от самой себя» – точнее, одного ее аспекта (структурного) от другого (общего уровня).

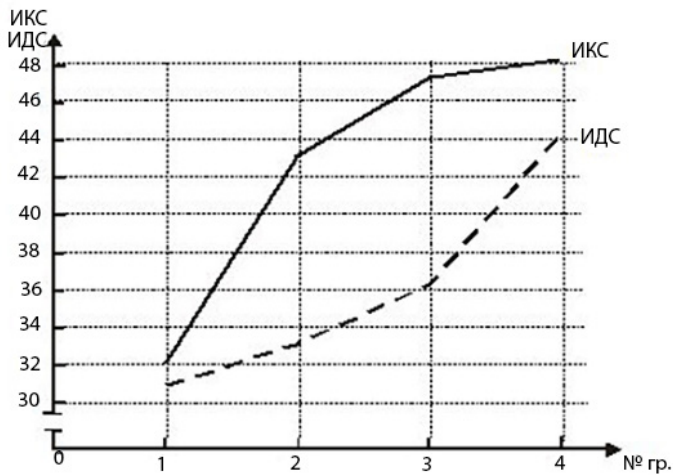

Рисунок 2. Зависимости значений индекса когерентности структуры (ИКС) и индекса дивергентности структуры (ИДС) метапроцессов от общего уровня индивидуальной меры развития рефлексивности (в баллах использованной методики; методика их определения подробно представлена в [1])

Figure 2. Index of structure coherence (ISC) and index of structure divergence (ISD) in meta-processes by the general level of individual reflexivity (in scores of the applied technique; the procedure of determination is presented in detail in [1])

Примечания: по оси абсцисс указаны следующие группы: 1 гр. – низкий уровень рефлексивности, 2 гр. – уровень рефлексивности ниже среднего, 3 гр. – уровень рефлексивности выше среднего, 4 гр. – высокий уровень рефлексивности).

Далее, очень показательно, что эта «автозависимость» носит характер в целом, т. е. в аспекте наиболее обобщенного и значимого показателя степени структурированности рефлексивных процессов – *индекса организованности*

этой структуры – характер так называемой инвертированной U-образной кривой, или является зависимостью «типа оптимума». Индекс организованности структуры (ИОС) определяется как разница значений индексов когерентности (ИКС) и дивергентности (ИДС); подробнее методика их определения и интерпретации, повторяем, рассматривается в [4] (см. рисунок 3).

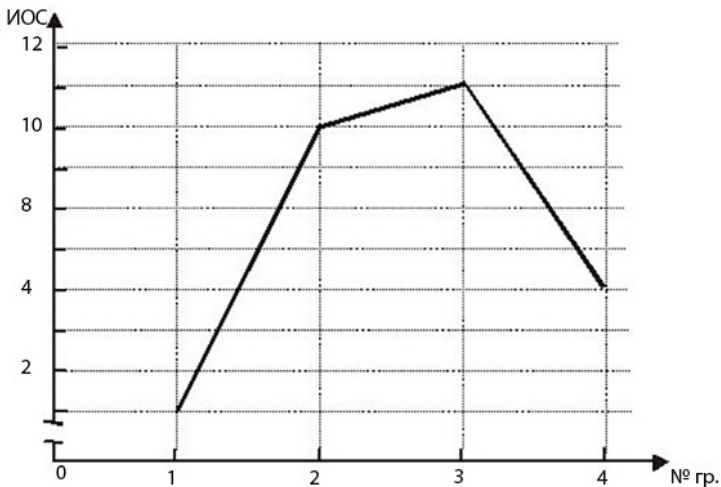

Рисунок 3. Зависимость значений индекса организованности структуры (ИОС) метапроцессов от общего уровня индивидуальной меры развития рефлексивности

Figure 3. Index of structure organization (ISO) in meta-processes by the general level of individual reflexivity

Примечание: по оси абсцисс указаны следующие группы: 1 гр. – низкий уровень рефлексивности, 2 гр. – уровень рефлексивности ниже среднего, 3 гр. – уровень рефлексивности выше среднего, 4 гр. – высокий уровень рефлексивности.

Это означает, что максимальная структурированность и организованность системы рефлексивных процессов имеет место не на минимальных (что достаточно понятно), но и не на максимальных (что уже менее объяснимо) уровнях ее общего развития, а на некоторых промежуточных, «средних» значениях. Именно «средний», а другими словами – оптимальный уровень рефлексивности может тем самым рассматриваться как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к рефлексивным процессам.

Наконец, отметим также, что оптимум «организационных эффектов» локализуется с определенным смещением вправо по оси абсцисс. Тем самым по отношению к данной закономерности можно говорить о своеобразном *эффекте «правого смещения»*. Его смысл заключается в том, что оптимум организационных эффектов рефлексивных процессов соотносится не со средними значениями общего уровня развития рефлексии, а со значениями, несколько превышающими этот уровень.

Итак, все представленные выше материалы свидетельствуют о важной и, более того, – определяющей роли структурных закономерностей в формировании и развитии, а также в реализации максимально интегративного процесса рефлексии (как процесс «третьего порядка» сложности). В более общем плане они же свидетельствуют о факте существования у рефлексивных процессов достаточно развернутой и сложной системы *собственных закономерностей* их структурной организации.

Таким образом, три охарактеризованные выше методики («деятельностного зондирования», «стилевой дифференциации» и «рефлексивного расчленения») действительно открывают новые и достаточно конструктивные возможности для исследования метакогнитивной сферы личности – и в целом, и по отношению к их регулятивным функциям в деятельности. Кроме того, они позволяют осуществлять такое исследование в аспекте трех важнейших метасистем, в которые включены метакогнитивные детерминанты – деятельности, личности и сознания. Этим обусловлен и их статус, и их общий характер, и столь же общая сфера применимости. Наконец, следует особо подчеркнуть и еще одну – также весьма позитивную особенность всех трех описанных выше методик. Дело в том, что они допускают свою реализацию и по отношению к тем материалам, которые были получены в ходе многих исследований, выполненных ранее и в связи с иной проблематикой, нежели непосредственное изучение метакогнитивных детерминант. В этом плане они могут быть проинтерпретированы как комплексные средства обработки – точнее, реинтерпретации данных, полученных в связи с исследованием иных вопросов. Это оказывается возможным потому, что дифференциация – расчленение выборки – может быть осуществлена по отношению к широкому спектру профессиографических исследований, поскольку их не переменным атрибутом (и даже императивным требованием к ним) как раз и является обязательная фиксация основных деятельностных параметров, прежде всего, результативных. В силу этого, они вполне допускают дифференцированное исследование многих субъектных детерминант (в том числе, разумеется, и метакогнитивного плана). Данный прием можно обозначить как метод *реконструктивно-психологического анализа* деятельности и ее субъектных детерминант.

4. Методика «факторных декомпозиций». Наряду с тремя охарактеризованными выше методиками нами была разработана и еще одна – отличающаяся в процедурном плане от них методика, которая также вполне позитивно зарекомендовала себя при исследовании метакогнитивных процессов и качеств личности. По своей основной идее она является развитием и модификацией известной методологии факторного планирования эксперимента и обозначена нами как методика «факторных декомпозиций». Ее сущность состоит в следующем. Как известно, одной из основных техник организации (дизайна) эксперимента является метод факторного планирования. В свою очередь, метод факторного *планирования* предполагает рассмотрение независимых переменных, как минимум, на двух их значениях (обычно это минимальное и максимальное значения), а затем – построение «факторной матрицы», т. е. факторного плана экспериментов, образованного сочетаниями «степеней свободы» независимых переменных. В простейшем варианте это матрица размерностью 2 x 2 и объемом в 4 сочетания. Подчеркнем, что все это осуществляется *до* проведения самого исследования, лежит в основе его последующего проведения (почему собственно сам метод и обозначается как факторное *планирование*).

Вместе с тем, аналогичный прием может быть реализован не *до*, а *после* исследования – после получения того или иного массива экспериментальных или любых иных эмпирических результатов. При этом также осуществляется определенным образом организованная «декомпозиция» – дифференциация этих результатов. Простейший, хотя и наиболее часто использующийся способ такой декомпозиции, – это дифференциация результатов на основе сочетания двух каких-либо критериев. Поясним сказанное. Допустим, рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»). Тогда из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Они – факторы – выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они представляются в виде уже отмеченной выше «факторной матрицы», в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности). После этого по отношению к такому представлению эмпирических результатов реализуется стандартная и отмеченная выше процедура обработки.

Так, например, в исследовании участвует определенная группа лиц, которые, разумеется, имеют разную степень развития каких-либо характеристик.

Поэтому каждый из них может быть отнесен в определенную группу с тем или иным *сочетанием* развитости этих характеристик. Далее на основе сочетания этих характеристик, параметров (в простейшем случае также используются обычно два каких-либо дифференцирующих параметра) может быть составлена матрица, имеющая размерность 2 x 2 и объем в 4 «ячейки». После этого для каждой сформированной таким образом группы определяется среднее значение того или иного показателя (например, выполнения экспериментальной деятельности), а последующая обработка результатов осуществляется способами, которые существуют в методологии факторного планирования. Напомним, что основными среди них являются определение так называемых «автономных влияний» каждой независимой переменной на зависимую переменную, а также *коэффициента взаимодействия* между ними. Последний наиболее показателен и интересен в психологическом смысле, поскольку он позволяет определить характер и степень *взаимодействия* между изучаемыми факторами, иначе говоря, – выявить эффекты супераддитивности в действии факторов на какой-либо «внешний критерий».

Другими словами, если рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»), тогда из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Факторы выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они представляются в виде уже отмеченной выше «факторной матрицы», в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности).

Руководствуясь охарактеризованной выше модификацией метода факторного планирования, представленной в форме метода «факторных декомпозиций», в работе [3] мы провели исследование взаимосвязи *когнитивного* и *регулятивного* аспектов метапроцессуальной организации деятельности. В этих целях вся выборка лиц, участвующих в исследовании, была дифференцирована вначале по уровню развития метакогнитивных процессов и качеств. Затем аналогичная процедура была осуществлена по отношению к данным методик, которые диагностируют, преимущественно, *регулятивный* аспект метапроцессов. Далее, по обоим этим параметрам обследованные лица были проранжированы, в результате чего образовался их континуум по степени развития когнитивных процессов, с одной стороны,

и по степени развития регулятивных метапроцессов, с другой. На основе этих двух континуумов *одновременно* были сформированы четыре группы, в результате чего образовалась матрица «факторной декомпозиции», имеющая вид, представленный на рисунке 4.

		Общий показатель развития метакогнитивных процессов (МК)	
		Низкий показатель (МК) ⁻	Высокий показатель (МК) ⁺
Общий показатель развития метарегулятивных процессов (МР)	Низкий показатель (МР) ⁻	(МК) ⁻ (МР) ⁻ 1	(МК) ⁺ (МР) ⁻ 2
	Высокий показатель (МР) ⁺	(МК) ⁻ (МР) ⁺ 3	(МК) ⁺ (МР) ⁺ 4

Рисунок 4. Матрица «факторной декомпозиции» исследования взаимодействия метакогнитивных и метарегулятивных процессов

Figure 4. Factor decomposition matrix in the study of meta-cognitive and meta-regulative processes

Условные обозначения: МК – метакогнитивные процессы; МР – метарегулятивные процессы. В «ячейках» матрицы представлены сочетания степеней развития метакогнитивных и метарегулятивных процессов. Например, в «ячейке» № 1 представлены данные лиц с сочетанием низкой степени развития метакогнитивных процессов (МК-) и низкой степени развития метарегулятивных процессов (МР-), т. е. с сочетанием «МК- МР-».

Наконец, для каждой из этих четырех групп были определены средние значения «внешнего критерия», т. е. результативных параметров их деятельности.

Поскольку наибольший интерес представляет определение закономерностей структурной организации метапроцессов в плане обеспечения деятельности, то из всех способов обработки результатов, предписываемых методологией факторного исследования, наиболее ценным является метод определения *коэффициента взаимодействия* между изучаемыми факторами (в данном случае – между факторами метакогнитивного и метарегулятивного характера). Так, в данном исследовании было установлено,

что этот коэффициент оказался *значимым* в статистическом отношении и принадлежащим к одному и тому же типу – к типу так называемого «расходящегося» взаимодействия. В свою очередь, это означает, что, действительно, метакогнитивные и метарегулятивные процессы как регуляторы деятельности не являются рядоположенными детерминантами ее организации, а значимо взаимодействуют друг с другом, что в итоге обуславливает возникновение эффектов интегративной природы, т. е. синергетических эффектов. О последнем свидетельствует и то, что такого рода взаимодействия принадлежат к типу «расходящегося» взаимодействия, смысл которого, как известно, состоит в том, что факторы оказывают фасилитирующее – «облегчающее» (точнее – *усиливающее*) влияние на детерминационную роль друг друга по отношению к обеспечению «внешнего критерия». Следовательно, взаимодействие между метакогнитивными и метарегулятивными процессами не только значимо; сам его смысл заключается в том, что «через него» и «в нем» возникают, действительно, новые, дополнительные возможности по процессуально-психологическому обеспечению деятельности в целом.

Особо следует подчеркнуть также, что по своему содержанию оно в данном случае относится к так называемому «расходящемуся» взаимодействию, смысл которого, как известно из теории эксперимента, состоит в существовании фасилитирующих взаимовлияний исследуемых факторов друг на друга. Данный результат подтверждает развиваемый нами ресурсный подход к интерпретации метакогнитивных и метарегулятивных детерминант профессиональной деятельности, поскольку показывает, что метапроцессы в целом выступают в роли дополнительного функционального ресурса, повышающего общий когнитивный потенциал субъекта.

Заключение

Вся совокупность представленных выше материалов в существенной степени содействует решению двух наиболее значимых, но одновременно и наиболее трудных проблем современного метакогнитивизма в части его методических оснований.

Во-первых, они позволяют повысить степень *объективности* получаемых эмпирических и профессиографических данных. Тем самым создаются необходимые и во многом достаточные предпосылки для решения двуединой задачи. С одной стороны, как отмечалось выше, практически все методы, используемые в метакогнитивизме, базируются на самонаблюдении и являются, по существу, различными модификациями интроспективных техник сбора первичной эмпирической информации. В связи с этим, *основной* методологической проблемой при исследовании метакогнитивных как раз и является проблема объективности и точности метакогнитивных

суждений. Сформулированный выше общий методологический подход, предполагающий синтез деятельностно-ориентированных методов исследования метакогнитивных процессов и качеств с различными техниками собственно экспериментального и феноменологического плана, позволяет осуществить не только взаимное дополнение получаемых с их помощью результатов, но и реализовать их взаимную *верификацию*. В силу этого, он является действенным средством обеспечения объективно важнейшего гносеологического требования – обеспечения достоверности и верифицируемости результатов эмпирического плана. С другой стороны, все предложенные в данной статье конкретные методы и процедуры носят, как можно видеть из их характеристики, не альтернативный, а именно взаимно *дополнительный* характер. Поэтому они допускают возможность (и, более того, необходимость) их *комплексного* применения, поскольку именно их комплекс является наиболее действенным средством решения еще одной важной задачи – экспликации возможно *большого объема* информации о предмете исследования. Кроме того это же обстоятельство – не только комплексный, но и взаимно дополнительный характер методов и методик – также создает новые возможности для верификации данных, получаемых посредством каждой из них.

Во-вторых, сформулированные выше представления содействуют также и обеспечению большей экологической валидности этих данных, поскольку вполне допускают свою реализацию не только в абстрактно-аналитических условиях экспериментального исследования, но и в условиях изучения реальной профессиональной деятельности. В силу этого, открываются новые, возможно и вырисовываются вполне конкретные перспективы для решения задачи, являющейся, по мнению многих исследователей, не просто «очень важной», но и *критически значимой* для развития, по существу, любого научного направления. Это, как известно, задача обеспечения экологической валидности эмпирического базиса того или иного направления и, соответственно, валидности, а в конечном счете, – обоснованности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений. Следовательно, она во многом эквивалентна задаче наиболее общего и, фактически, «терминального» характера – задаче обеспечения обоснованности и корректности собственно теоретических, т. е. концептуальных представлений о предмете исследования. Именно эта задача не только не решена, но и практически даже не сформулирована в явном виде в современном метакогнитивизме. С позиций предложенного выше общего подхода, равно как и разработанных в его рамках конкретных методов и методик деятельностно-опосредствованного исследования, данная задача, как можно видеть из представленных данных, также получает новый импульс для своего конструктивного решения.

В еще более общем – по существу, собственно *методологическом* плане данный подход содействует преодолению одной из наиболее явных и негативных особенностей всего современного метакогнитивизма. Как известно, ей выступает подчеркнутая автономизированность и недостаточный синтез со многими важнейшими направлениями психологии. В особой мере это проявляется именно по отношению к психологической теории деятельности. Внедеятельностный характер всего современного метакогнитивизма, его несинтезированность со многими важнейшими положениями теории деятельности – одна из наиболее негативных черт его современного состояния. Это, в свою очередь, порождает многие принципиальные трудности проблемы его дальнейшего конструктивного развития. Как мы уже отмечали, представляется проблематичным непосредственный перенос многих из полученных в нем результатов на реальные – естественные (т. е. экологически валидные) условия деятельности и поведения. Кроме того, доминирование внедеятельностных подходов к его разработке объективно блокирует экспликацию реальной – многомерной и многоплановой, а не упрощенной и не «уплощенной» картины всех реально существующих феноменов и закономерностей метакогнитивного плана. И наоборот, лишь их раскрытие на основе сложноорганизованных форм активности личности – прежде всего, деятельности, может содействовать именно такому – многомерному, а значит и достаточно полному их раскрытию.

Литература

1. *Барабанщиков В. А.* Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 29–46.
2. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2-х т. Т. 1. – М.: Академия, 2006. – 448 с.
3. *Карпов А. В.* Психология деятельности. В 5 т. – М.: Изд-во РАО, 2015.
4. *Карпов А. В.* Психология сознания. Метасистемный подход. – М.: Изд-во РАО, 2011. – 1070 с.
5. *Карпов А. В.* Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – М.: Изд-во РАО, 2013. – 510 с.
6. *Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В.* Психология принятия решения в управленческой деятельности. – М.: Изд-во РАО, 2016.
7. *Карпов А. В., Скитяева И. М.* Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005. – 325 с.
8. Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.
9. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.

10. Ментальная репрезентация. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1998. – 320 с.
11. *Найссер У.* Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
12. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
13. *Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. – М.: Барс, 1997. – 391 с.
14. *Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. – М.: Аспект-Пресс, 2007.
15. *Borkowski J. G., Carr M., Rellinger E., Pressley M.* Self-regulated cognition: Interdependence of metacognition, attributions, and self-esteem // *Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction* / B. F. Jones, L. Idol (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990. – pp. 31–43.
16. *Brown A. L.* Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // *Metacognition, motivation, and understanding* / F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.). – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. – pp. 65–116.
17. *Kolb S. K.* Metacognition Metaphors. – N. Y., 1995. – 185 p.
18. *Metacognition: Cognitive and Social Dimensions* / Ed. by V. Yzerbyt et al. – SAGE Publications, 2002. – 253 p.
19. *Metacognition: Core Readings* / T. O. Nelson (Ed.). – Boston: Allen and Bacon, 1992. – 520 p.
20. *Metacognition: Knowing about Knowing* / J. Metcalfe, A. P. Shimamura (Eds.). – Cambridge, MA: MIT Press, 1994. – 323 p.
21. *Minding Mind* / R. J. Bogdan (Ed.). – London: MIT Press, 2000. – 215 p.
22. *Nelson T. O., Narens L.* A new technique for investigating the feeling of knowing // *Acta Psychologica*. – 1980. – 46. – pp. 69–90.
23. *Nelson T. O., Narens L.* Metamemory: a theoretical framework and new findings // *Bower G. The Psychology of Learning and Motivation*. – New York: Academic Press, 1990. – V. 26. – pp. 125–141.
24. *Perfect T. J., Schwartz B. L.* Applied Metacognition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 220 p.
25. *Perkins R., Salomon B.* Metacognition and Control Strategies Revised // *Social Psychology Journal*. – 1987. – V. 3. – pp. 13–18.

References

1. Barabanshchikov V. A. The psyche's system organization and development. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 2003, V. 24, no. 1, pp. 29–46 (in Russian).
2. Velichkovskii B. M. *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science: Fundamentals of the psychology of cognition]. Akademiya Publ., 2006. 448 p.

3. Karpov A. V. *Psikhologiya deyatel'nosti* [Activity psychology]. Moscow, RAE Publ., 2015.
4. Karpov A. V. *Psikhologiya soznaniya. Metasistemnyi podkhod* [Consciousness psychology: A meta-system approach]. Moscow, RAE Publ., 2011. 1070 p.
5. Karpov A. V. *Refleksivnaya determinatsiya deyatel'nosti i lichnosti* [The reflective determination of activity and personality]. Moscow, RAE Publ., 2013. 510 p.
6. Karpov A. V., Karpov A. A., Markova E. V. *Psikhologiya prinyatiya resheniya v upravlencheskoi deyatel'nosti* [The psychology of decision making in management]. Moscow, RAE Publ., 2016.
7. Karpov A. V., Skityaeva I. M. *Psikhologiya metakognitivnykh protsessov lichnosti* [The psychology of the individual's meta-cognitive processes]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2005. 325 p.
8. Druzhinin V. N., Ushakova D. V. (eds.) *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Moscow, PER SE Publ., 2002. 478 p.
9. Kozeletskii Yu. *Psikhologicheskaya teoriya reshenii* [Psychological decision theory]. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p.
10. *Mental'naya reprezentatsiya* [Mental representation]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 1998. 320 p.
11. Neisser U. *Cognition and reality*. San Francisco, Freeman, 1976. (Russ. ed.: Naisser U. *Poznanie i real'nost'*. Moscow, Progress Publ., 1981. 230 p.).
12. Kholodnaya M. A. *Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles: On the nature of the individual mind]. Moscow, PER SE Publ., 2002. 304 p.
13. Kholodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Intelligence psychology: paradoxes of research]. Moscow, Bars Publ., 1997. 391 p.
14. Shadrikov V. D. *Mental'noe razvitie cheloveka* [Human mental development]. Moscow, Aspekt-Press, 2007.
15. Borkowski J. G., Carr M., Rellinger E., Pressley M. Self-regulated cognition: Interdependence of metacognition, attributions, and self-esteem. In: Jones B. F., Idol L. (eds.) *Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1990, pp. 31–43.
16. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In: Weinert F. E., Kluwe R. H. (eds.) *Metacognition, motivation, and understanding*. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1987, pp. 65–116.
17. Kolb S. K. *Metacognition Metaphors*. N. Y., 1995. 185 p.
18. Yzerbyt V. et al. (eds.) *Metacognition: Cognitive and Social Dimensions*. SAGE Publications, 2002. 253 p.
19. Nelson T. O. (ed.) *Metacognition: Core Readings*. Boston, Allen and Bacon, 1992. 520 p.

20. Metcalfe J., Shimamura A. P. (eds.) *Metacognition: Knowing about Knowing*. Cambridge, MA, MIT Press, 1994. 323 p.
21. Bogdan R. J. (ed.) *Minding Mind*. London, MIT Press, 2000. 215 p.
22. Nelson T. O., Narens L. A new technique for investigating the feeling of knowing. *Acta Psychologica*, 1980, 46, pp. 69–90.
23. Nelson T. O., Narens L. Metamemory: a theoretical framework and new findings. In: Bower G. *The Psychology of Learning and Motivation*. New York, Academic Press, 1990, V. 26, pp. 125–141.
24. Perfect T. J., Schwartz B. L. *Applied Metacognition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 220 p.
25. Perkins R., Salomon B. Metacognition and Control Strategies Revised. *Social Psychology Journal*, 1987, V. 3, pp. 13–18.